

Д. П. Шульга¹, Кальбинур Мухаммед^{1,2}

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: zaratustra-sibiria@rambler.ru

² Синьцзянский университет
ул. Шэнли, 14, Урумчи, 830046, Китай
E-mail: kalbi88@yahoo.com.cn

**ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРТЕФАКТОВ,
ОФОРМЛЕННЫХ В ВИДЕ ОБРАЗОВ ХИЩНЫХ ПТИЦ,
ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СИНЬЦЗЯНА
(НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКА ДУНХЭЙГОУ) ***

В ходе работы на основе изучения некоторых образов скифского звериного стиля, а именно изображений хищных птиц, предложено использование предметов искусства в качестве одного из основных хронологических маркеров для скифоидных культур Синьцзяна. В качестве базовых использовались ранее не публиковавшиеся в России материалы из памятника археологии раннего железного века Дунхэйгоу (уезд Баликунь СУАР).

Ключевые слова: Синьцзян (Западный край), скифо-сибирский мир, образы хищных птиц, грифоны, древнее искусство номадов, археологические памятники, хронология.

В современной археологии скифского времени Евразии весьма важным является вопрос использования языка звериных образов как хронологического и маркера межкультурных взаимодействий. Особенно важен этот аспект для изучения археологии Синьцзяна, поскольку, ввиду относительной бедности инвентаря в основной массе погребений, для Западного края не выработано непротиворечивых схем эволюции наконечников стрел, конской упряжи и поясной фурнитуры – основных хронологических маркеров для памятников раннего железного века. Несколько лучше ситуация обстоит с керамикой [Хань Цзянье, 2007. С. 7]. В то же время недооценивается возможность определения времени сооружения археологических памятников по предметам искусства.

Следует отметить, что, в отличие от Ордоса, Синьцзян был одним из наиболее изолированных регионов «скифского мира». Хотя Китайский Алтай в археологическом отношении остается недостаточно изученным, однако есть причины полагать наличие связи населения этой территории с носителями пазырыкской и иных развитых культур Западной Сибири [Полосьмак, 1994]. У культур центрального и южного Синьцзяна можно выделить ряд общих черт, отличающих их от скифоидных культур Казахстана и Сибири. Например, большинство памятников (Янхай, Цзяохэ, Яньбулакэ и ряд других) не имеют четкого разрыва между раннескифской частью и более поздними погребениями.

Часто разновременные погребения расположены внутри одного могильника (мо-

* Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВИЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009–2011 годы)» (проект РНП 2.2.1.1/13613) Минобрнауки.

гильники Дунхэйгоу, Чауху [Сунь Бингэнь, Чэнь Гэ, 1988] и др.). Поэтому у китайских археологов обычно возникают сложности в определении времени сооружения погребальных памятников. Погребальная керамика в памятниках центрального Синьцзяна в середине VI в. до н. э. меняется не так резко, как на Саяно-Алтае, и потому на основе керамического комплекса трудно делать определения хронологического характера. Остальной вещевой комплекс, ввиду относительной бедности погребений, также не позволяет китайским исследователям выстроить непротиворечивую схему эволюции изделий различных категорий. Таким образом, роль традиционных для раннего железного века хронологических маркеров несколько ослабевает. Разделение памятников по принципу синхронности с периодами Чуньцю и Чжаньго для Синьцзяна представляется малоподходящим, так как предметы китайского импорта проникают сюда едва ли раньше, чем они обнаруживаются в пазырыкской культуре. Например, изображения пазырыкского «дракона» и «драконов» из захоронения М012 могильника Дунхэйгоу явно несут следы китайского влияния [Раскопки..., 2009. С. 39–41]. При этом нет оснований датировать синьцзянский памятник более ранним периодом, о чем будет сказано ниже.

С учетом изложенного, целью исследования становится изучение несущих черты скифо-сибирского звериного стиля артефактов с зооморфными образами из археологических памятников с территории Синьцзяна в сравнении с материалами из Саяно-Алтая, что поможет сделать непротиворечивые выводы по поводу хронологической и культурной принадлежности некоторых погребальных объектов Западного края. Для достижения поставленной цели авторами на основе изучения семантики некоторых образов скифского звериного стиля будет предпринята попытка предложить использование предметов искусства в качестве одного из основных хронологических маркеров для скифоидных культур Синьцзяна.

Ввиду характера цели работы наиболее логичным является привлечение такой группы образов, которая была бы, с одной стороны, в той или иной степени единой, а с другой – динамично развивалась с течением времени. С учетом этого требования, в работе основное внимание будет уделено изо-

бражениям существ, имеющих черты хищной птицы. Такое исследование имеет достаточно высокую степень научной актуальности, хотя анализу звериных образов Западного края и Ордоса и посвящено немало трудов [Bunker, 1992]. Кроме того, до сих пор не сложилась общепринятая классификация этих существ, сохраняется несходство мнений в вопросах терминологии. Все это ставит перед нами и конкретную задачу выработки собственной системы названий.

Все имеющиеся изображения орнито-морфных существ в Центральной Азии, по нашему мнению, можно разделить на 6 групп.

Первая группа – это орлы без уха, гребня и хохолка, вышедшие из раннескифского времени. Они представлены головками или полными изображениями хищной птицы. Вторая группа – мифический орел в виде головки или полного изображения хищной птицы с ухом, но без хохолка и гребня. Третья группа – орлы-грифоны с телом хищной птицы. Они имеют ухо, хохолок и, как правило, гребень (но головки с ухом, хохолком и гребнем здесь не могут учитываться, поскольку древний мастер мог предполагать как тело орла, так и льва). Четвертая группа – головки грифонов, т. е. головки хищной птицы с гребнем, хохолком и ухом. Пятая группа – грифоны орлиные и львиные с головами орла или льва. Шестая группа – различные синкретичные варианты на базе головки грифона (грифо-конь и др.).

Предложенная схема позволяет выделить некоторые аспекты истории появления образа «грифона» в Центральной Азии, его связь с раннескифской культурой и культурами Передней Азией. Стоит отметить, что после вытеснения образа орла синкретичными образами около середины VI в. до н. э. [Погрелова, 1948. С. 67; Черников, 1965. С. 58; Шульга, 1998. С. 35–36] разные виды последних могли сосуществовать. Примером тому служит находка в кургане М012 могильника Дунхэйгоу изображений рогатых грифонов и мифических орлов, относящихся, казалось бы, к разным этапам смешения образов зверя и хищной птицы. Данный факт лишь дополнительно подтверждает мнение о том, что ранние формы синкретичных образов продолжали сохраняться ко времени появления более поздних, нередко заимствованных (см.: [Переводчикова, 1994. С. 132]).

Для апробирования гипотезы о возможности датирования археологических объектов через анализ артефактов, оформленных в зверином стиле, нами в качестве базового был выбран могильник Дунхэйгоу, расположенный на юге деревни Шиженьцзы уезда Баликунь в Синьцзяне, у северного подножия Восточного Тянь-Шаня. Это сделано по тем причинам, что, с одной стороны, материалы этих комплексов еще не публиковались на русском языке, а с другой – китайские исследователи при анализе отнесли два, на наш взгляд, разновременных кургана (M015 и M012) к одному и тому же периоду – началу эпохи Западная Хань (с 206 г. до н. э.).

Курган M015 имеет насыпь овальной формы: с запада на восток 15 м, с севера на юг 16 м, высота 0,25–0,5 м. В центре имеется круглая западина диаметром примерно 4,5 м. Насыпь двухслойная, но описания слоев китайские авторы раскопок не дают. Под первым слоем в юго-восточной и северо-восточной частях кургана обнаружены скопления человеческих костей. В юго-восточной части (отдельное обозначение части кургана – M015RS3) они разрознены, костяк не полный, в насыпи найдено всего два изделия из керамики. В северо-восточной части (M015RS4) человеческие кости находились внутри каменного круга, кости головы цельные, кости конечностей разрознены. Здесь был обнаружен керамический горшок с двумя ручками, четыре изделия из меди. Под вторым слоем насыпи в южной, западной, а также северо-восточной частях кургана обнаружены неполные скелеты людей. В южной части (M015RS1) человеческие кости разрознены, найдено всего одно изделие из меди. В западной (M015RS5) части человеческие кости разрознены, инвентарь отсутствует. В северо-западной (M015RS2) части человеческие кости, находившиеся внутри каменного круга, также разрознены [Раскопки..., 2009. С. 36–38].

В ходе дальнейших работ была выявлена центральная могила (M015RS6) кургана M015 почти круглой формы: длина (север – юг) 6,25 м, ширина (запад – восток) 6 м, глубина 4,85 м. Стенки могильной ямы вертикальные. На ее дне (в восточной части) обнаружены остатки деревянной трапециевидной погребальной конструкции в виде сруба, размеры которой можно восстано-

вить следующим образом: ширина восточной части 0,97 м, ширина западной части 1,3, длина 2,5 м. В северной части перекрытие погребальной конструкции нарушено – здесь имеется дыра (грабительский лаз?) почти овальной формы: длина с севера на юг 1,8, длина с запада на восток 1,05, глубина 0,2 м. Внутри обнаружены фрагменты дерева от перекрытия, присутствуют разбросанные человеческие кости – вместе с ними найдены два костяных артефакта. Китайские авторы считают такое положение вещей следствием перезахоронения. Впрочем, более чем вероятно грабительское проникновение [Там же. С. 38].

Курган M012 расположен на 150 м севернее кургана M015. Насыпь имеет круглую кольцеобразную форму: ширина с востока на запад 9,7, с севера на юг 9,75, высота 0,1–0,8 м, каменная кладка в один слой. В центре округлая западина диаметром примерно 6,65 м. Могильная яма имеет овальную форму: длина (север – юг) 4,55 м, ширина (запад – восток) 4,85, глубина 4,45–4,55 м. Стенки ямы вертикальные. В составе заполнения ямы фиксировались четыре слоя. Под первым слоем на северной стороне обнаружены кости человека и разрозненные скелеты животных. В третьем слое обнаружены жертвенная лошадь и отдельные части костяка человека, найдены также кости мелкого рогатого скота и разрозненные кости других животных. В четвертом слое найдены кости человека, фрагменты керамики, изделия из железа, золотые артефакты и иные предметы сопроводительного инвентаря. У дна могильной ямы, в ее западной части, обнаружена погребальная конструкция из дерева в виде сруба: ширина северной части 1,5, ширина южной части 1,2, длина 2,6 м. Внутри находился костяк человека с богатым сопроводительным инвентарем, в наибольшей степени сконцентрированным вокруг головных костей и в районе таза. Главным образом это украшения из золота (цветки в форме ромба, фольга вытянутой продолговатой формы) и серебра, изделия из железа, предметы из кости, а также керамические изделия и т. д. Железные изделия подверглись сильной коррозии [Там же. С. 28, 31].

В обоих курганах были найдены изделия, оформленные в зверином стиле. В M015 – это концевая поясная бляха. Оформлена в виде стилизованной головы орла – китай-

ские авторы дают такое описание: «орнамент представляет собой изображения животных, имеются абстрактные рога и глаза» [Там же. С. 40]. С тыльной стороны бляхи – дуговидная ручка. Длина бляхи 5,5, высота ручки 0,7 см. Кроме бляхи имеется украшение из кости длиной 2,7 см. С двух его концов имеется по отверстию диаметром 0,5 и 0,3 см. Предмет, по мнению китайских исследователей, оформлен в виде цветочного лепестка. Однако при привлечении аналогий более близкой к истине кажется трактовка изделия как стилизованной головы орла [Чугунов, 2004].

В кургане M012 в скифо-сибирском зверином стиле оформлены три большие прямоугольные бронзовые пластины: длина пластин 6,5 см, ширина 3 см. Имеются аналогичные пластины и из серебра. На поверхности каждой из них – штампованное изображение рогатого грифона. Китайские авторы трактуют образ следующим образом: «...изображено по пять животных. Композиция разделена на два яруса – верхний и нижний. В верхнем ярусе изображены в ряд три птичьи головы с орлиными клювами. В нижнем ряду с левой стороны один узор в виде тигра, он показан в профиль. С правой стороны узор в виде леопарда, тело с боковой стороны, голова с передней стороны» [Раскопки..., 2009. С. 33]. Помимо этого на внешних сторонах двух круглых бляшек с чуть изогнутой перемычкой на задней стороне (диаметр бляшек 2,5, ширина дужки 0,2, высота 0,3 см) имеются штампованные изображения головок мифических орлов. Китайские исследователи трактуют изображение так: «...вокруг центрального круга равномерно расположены 3 группы рисунков. Каждая группа состоит из двух окружностей – большой и маленькой – и узора в виде перевернутой буквы “e”» [Там же]. Две другие аналогичного вида бляшки украшены изображением грифона с рогами и телом копытного. Китайские исследователи трактуют иначе: «...на рисунке видны изображение грифона, птичьи головы, олени рога, лошадиные копыта» [Там же. С. 34]

Для определения времени сооружения захоронений изучаемого могильника, в первую очередь, необходима верная интерпретация изображений, выполненных в зверином стиле. Так, в составе находок из кургана M015 имеется стилизованная голова орла. Уха это существо не имеет и потому может

быть отнесено к раннескифскому искусству, поскольку в археологических материалах Саяно-Алтая обнаружено множество подобных концевых блях из погребений завершающей стадии раннескифского времени – Аржан-2 [Чугунов, 2004], Гилево-10 [Шульга, 2008. С. 271] и т. д. В других погребениях раннего железного века на территории Западного края изображения безухих орлов встречаются вместе со стремечковидными удилами и поясными обоями, что, несомненно, также является признаком раннескифских культур. Вторая, менее выразительная вещь из изучаемого могильника, выполненная в зверином стиле, – костяная пластинка, и вовсе не может быть понята без привлечения вышеназванных аналогий. В M012 уже по наличию мифических «ушастых» орлов можно понять, что погребение выполнено никак не ранее VI в. Но наряду с мифическим орлом в захоронении присутствуют грифоны-олени и «драконы», имеются поясные нашивные бляхи вместо обоек. Кардинальная смена предметов поясной фурнитуры синхронна окончанию раннескифского времени и началу следующего периода, равно как произошло это и с конским снаряжением [Шульга, 2003. С. 82]. Поэтому, основываясь на последних работах в области хронологии Саяно-Алтая, можно довольно уверенно отнести бытование подобных образов к IV–III вв. до н. э. [Кубарев, Шульга, 2007. С. 20–35].

Необходимо отметить, что выводы о времени сооружения двух, на наш взгляд, разновременных курганов существенно расходятся с мнением китайских исследователей, публиковавших результаты раскопок. Не совпадает и интерпретация изображений на бронзе, серебре, золоте и кости, на основании которых авторы данной работы, во многом, и делали свои построения. Однако широкие аналогии, относящиеся к «скифо-сибирскому миру» обширных соседних территорий, убеждают в большей обоснованности принятых нами хронологических и определений интерпретационного характера.

Изучение художественной культуры любого народа показывает, что в эстетических представлениях в процессе развития общества неизбежно происходят изменения. Их фиксация и анализ являются важной составляющей понимания межэтнических взаимодействий и изучения вопросов мировоззре-

ния, и вместе с тем основательным хронологическим определителем. Именно это и показано авторами на примере двух конкретных памятников археологии Синьцзяна скифского времени.

Список литературы

Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Переводчикова Е. В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Вост. лит., 1994. 206 с.

Погребова Н. Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 62–67.

Полосьмак Н. В. «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.

Черников С. С. Загадка золотого кургана (где и когда зародилось скифское искусство). М.: Наука, 1965. 185 с.

Чугунов К. В. Аржан – источник // Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.: АО Славия, 2004. С. 10–39.

Шульга П. И. Раннескифская упряжь VII – начала VI вв. до н. э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового

коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 25–49.

Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с., ил.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Барнаул: Азбука, 2008. Ч. 1: Раннескифское время. 276 с.

Раскопки памятника Дунхэйгоу в уезде Баликунь // Исследования культуры Восточного Тян-Шаня. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2009. С. 1–42 (на кит. яз.)

Сунь Бингэнь, Чэнь Гэ. Могильник № 1 близ устья ущелья Чаухугоу в уезде Хэцзин в Синьцзяне // Каогу сюэбао. 1988. № 1. С. 75–99 (на кит. яз.)

Хань Цзянье. Культуры Синьцзяна бронзового и раннего железного веков. Пекин: Вэнь У чубаньшэ, 2007. 128 с. (на кит. яз.)

Bunker E. C. Significant Changes in Iconography and Technology among Ancient China's Northwestern Pastoral Neighbors from the Fourth to the First Century B. C. // Bulletin of the Asia Institute. New Series. 1992. Vol. 6. P. 99–115.

Материал поступил в редколлегию 08.11.2010

D. P. Shul'ga, Kal'binur Mukhammed

EXPERIENCE OF THE USE OF ARTIFACTS, PREPARED IN THE FORM IMAGES OF PREDATORY BIRDS, FOR THE CHRONOLOGY OF ARCHAEOLOGICAL OBJECTS IN THE EARLY IRON AGE IN XINJIANG (WITH USING MATERIALS FROM DONGHEIGOU GRAVEYARD)

In the course of this work based on the study of some images of the Siberian Scythian animal art style, namely the images of predatory birds, is proposed the use of objects of skill as one of the basic chronological markers for the «Scythian» cultures of Xinjiang. As the base were used the previously not published in Russia materials from the archeological sites of the early Iron age from Dongheigou, county Balikun, Xinjiang.

Keywords: Xinjiang (Western edge), Scythian-Siberian world, the images of predatory birds, griffins, the ancient nomads' art, archaeological sites, chronology.